

УДК 821.161.1Шолохов+808.1(470.61)

ББК 84(2Рос=Рус)6

Т.О. Осипова

МИХАИЛ ШОЛОХОВ И ПИСАТЕЛИ ДОНА

Тема «Шолохов и писатели Дона» рассматривается на материале произведений В. Закруткина, А. Калинина, Б. Куликова в двух аспектах: донские писатели как летописцы жизни и творчества М. Шолохова; традиции Шолохова в донской литературе 1960-1970-х годов.

Ключевые слова: *Шолохов, Закруткин, Калинин, Куликов, образ писателя, литературные традиции, художественный мир, донская литература.*

Осипова Татьяна Осиповна – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной литературы Южного Федерального университета
Тел.: (863) 264-90-00

Проблема творческой преемственности, наследования традиций всегда имела принципиальное значение для развития литературы. В.Г. Белинский писал: «Влияние большого поэта заметно на других поэтов не в том, что его поэзия отражается в них, а в том, что она возбуждает в них собственные их силы: так солнечный луч, озарив землю, не сообщает ей свои силы, а только возбуждает заключенную в ней силу» [Белинский, т. 1, с. 562].

Среди русских классиков XX века, оказавших воздействие на развитие отечественной литературы, безусловно, одно из главных мест принадлежит Михаилу Шолохову. При этом особое влияние его личность и творчество оказали на развитие донской словесности. Широкий круг тех авторов, наших земляков, в душах которых Шолохов, по словам В. Закруткина, «поддержал искру творчества».

Тема «Шолохов и донская литература» широка. Остановимся лишь на двух, на наш взгляд, весьма важных ее аспектах: донские писатели как летописцы жизни М. Шолохова, исследователи его творчества и традиции М. Шолохова в донской прозе.

Среди литераторов Дона, постоянно заявлявших о своей принадлежности «шолоховской» школе, безусловно, выделяется В.А. Закруткин, которого с автором «Тихого Дона» связывали многолетние дружеские отношения. Интересна в связи с этим надпись, которую в 1960 г. Шолохов сделал на экземпляре «Поднятой целины», подаренном Закруткину

и хранящемся в Кочетовском государственном доме-музее писателя: «Одному из самых родных моему сердцу друзей по войне и писательскому творчеству – Виталию Закруткину, которого крепко, по-мужски люблю, и в которого столь же крепко верю...» [Шолохов, 1960].

Впервые Закруткин встретился с Шолоховым летом 1935 г. Этому знаменательному событию в его жизни предшествовала встреча, не менее важная для будущего писателя. Будучи аспирантом ЛГПИ им. А.И. Герцена, он приехал навестить родителей в г. Серафимович (бывшую станицу Усть-Медведицкую), где и познакомился с автором «Железного потока». В свою очередь А.С. Серафимович попросил Закруткина отправиться в Вешенскую, чтобы передать Шолохову письмо. Три с половиной часа, проведенные в доме Шолохова, показались будущему писателю «коротким мгновением». Узнав, что Закруткин получил направление на работу в Ростовский пединстит, Михаил Александрович выразил уверенность в том, что они будут часто встречаться. Однако их следующая встреча произошла лишь через десять с лишним лет, вобравших в себя не только военные испытания, но и личную драму самого Закруткина. В апреле 1938 г. он, заведующий кафедрой русской литературы РГПИ, вместе с другими сотрудниками по ложному доносу был арестован как «немецкий шпион». В 1939 без суда был освобожден и восстановлен в должности.

В 1947 г. Закруткин, уже будучи автором не только ряда научных трудов, но и двух романов, четырех сборников рассказов и очерков, оставил педагогическую деятельность и по примеру Шолохова поселился в ст. Кочетовской Ростовской области. С этого времени начались его регулярные встречи с Шолоховым. Закруткин много раз бывал в Вешенской, общался с Шолоховым на съездах писателей, на писательских конференциях в Москве и Ростове-на-Дону, был его доверенным лицом при выдвижении кандидатуры Шолохова в депутаты Верховного Совета СССР. В свою очередь автор «Тихого Дона» несколько раз приезжал в ст. Кочетовскую.

В. Закруткин – автор ряда статей о жизни и творчестве Шолохова, а в 1965 г. увидела свет его книга «Цвет лазоревый: страницы о Михаиле Шолохове», представляющая собой сплав мемуаристики, литературно-биографического исследования и лирико-публицистического очерка. Автор повествует о своих встречах с великим писателем, о роли Шолохова в его писательской судьбе, приводит высказывания читателей – маститых литераторов и простых казаков – о «Тихом Доне», «Поднятой целине», «Судьбе человека». И в то же время в книге ощущается стремление автора оценить творчество Шолохова с позиций литературоведа. Отсюда достаточно часто встречающиеся в «Цвете лазоревом» высказывания об образном строе шолоховской прозы, ее лексическом богатстве.

Являясь главным героем книги Закруткина, Шолохов окружен в ней писателями-современниками. Это и А.С. Серафимович, одним из первых угадавший в молодом донском литераторе «художника бо-

жьей милости» [Закруткин, 1975, с. 11], и С.Н. Сергеев-Ценский, отметивший, что Шолохов «владеет всеми сокровищами русского языка, как полновластный хозяин» [Там же, с. 59], и др.

В 1977 г. в автобиографическом очерке «От земли к земле» писатель вновь обратился к Шолохову, выделив наиболее дорогие для себя черты его творческого гения: твердость и постоянную последовательность мировоззрения, глубокую народность, любовь ко всему живому [Закруткин, 2008, т. 3, с. 34].

Не менее значительную роль сыграл Шолохов и в судьбе талантливого русского писателя А.В. Калинина. Как вспоминал сам Калинин, его первое знакомство с произведениями Шолохова пришлось на конец 1920-х: тринадцатилетний подросток прочитал первую книгу «Тихого Дона» и на арбе, запряженной быками, отправился из Миллерово, где тогда жила семья Калининых, в Вешенскую посмотреть на «живого Шолохова». Но встретиться с автором «Тихого Дона» он смог лишь в 1938 г., когда по заданию редакции «Комсомольской правды» был командирован в Вешенскую с целью создания очерка «В гостях у Шолохова». Именно тогда и услышал он от Шолохова слова, которые станут творческим кредо Калинина: писатель должен хорошо знать среду, в которой живут его герои. Этот взгляд на место и роль писателя в обществе позднее коренным образом изменит судьбу самого Калинина: пройдя войну, в 1946 г. он решит поселиться в донской глубинке, рядом с теми, о ком будет писать свои книги.

Среди большого количества работ, посвященных Шолохову, сам А. Калинин выделял книгу, которую считал главной в своей шолоховиане: «Время "Тихого Дона"».

Безусловное достоинство этой работы критика видит в ее полемической направленности, в стремлении подойти к творчеству Шолохова не только с позиций классовости и партийности, но и «с учетом контекста мировой литературы» [Русские писатели ..., с. 328].

«Время "Тихого Дона"» имеет подзаголовок: «Книга о жизни и творчестве М. Шолохова», поэтому в поле зрения автора оказываются все основные произведения писателя. Например, безусловной удачей Калинина известный американский шолоховед Г. Ермолаев считает проведенные в работе «обоснованные параллели между "Тихим Доном" и ранними рассказами» [Ермолаев, с. 363]. Последнее особенно важно, так как названная по контрасту с работой И. Медведевой-Томашевской «Стремя "Тихого Дона"», книга Калинина внесла существенный вклад в отстаивании имени Шолохова как автора "Тихого Дона". На протяжении всей своей работы Калинин убедительно доказывает, что «при обращении к ранним истокам и ко всей родословной "Тихого Дона" в связи с родословной его автора и со всеми другими произведениями нельзя сразу же не почувствовать цельность его жизни и творчества...» [Калинин, 2008, с. 215]

В размышлениях о роли и месте Шолохова в мировой культуре Калинин отмечает то, что наиболее близко его представлениям о на-

значении писателя: знание народной жизни, умение передать движенье истории через ее «многоцветье», способность художественно воссоздать судьбу народа через судьбу человека.

Книга Калинина увидела свет в период, когда в отечественном литературоведении не затихали споры о причинах трагической судьбы героя «Тихого Дона». Много было высказано полярных мнений, взаимоисключающих точек зрения. Полностью отрицая столь популярную в то время теорию «отщепенства» Мелехова, автор утверждает, что в истоки этой трагедии – в суровом времени: «... жернова классовой борьбы не знают пощады» [Калинин, 2008, с. 33]. Не будем забывать, что сказано это в начале 1970-х о герое, жаждущем мира, братства, любви, но оказавшемся в эпицентре борьбы, которая «вычерпывает душу», вынужденном то и дело наткнуться на «ощетиненное острие» враждебных лагерей. И нет выхода из этого «междурядья-коридора» [Там же, с. 34].

Велика роль М.А. Шолохова и в творческом становлении писателей послевоенного поколения. Примечательна в этой связи судьба Б. Куликова. В 2004 г., через одиннадцать лет после смерти автора, увидела свет его работа: «При пике и на коне...: Воспоминания о Шолохове», над которой автор трудился с июня 1987 по март 1988 г. Куликов подробно рассказывает о своей единственной встрече с великим писателем в январе 1964 г., о той роли, которую сыграл Шолохов в его судьбе. Автор приводит высказывания Шолохова о В. Закруткине, А. Калинине, В. Фирсове, что проливает свет на литературные вкусы писателя.

Размышляя о месте Шолохова в национальной культуре, Куликов писал: «Шолохов был для меня гением, примером беззаветного служения родному Народу, Правде, Искусству. Его реализм, его необъяснимое умение рисовать вымышленных героев так, что ни на йоту не сомневаешься в их реальном существовании, его поэтические картины донской природы – ставят его выше живших до него величайших художников» [Куликов, с. 229].

Однако проблема литературных традиций не может быть ограничена лишь высказываниями писателей о своих предшественниках. При всей значимости книг о М. Шолохове, более важным остается вопрос о влиянии художественного мира автора «Тихого Дона» на творчество их авторов.

Литературоведы не раз писали о шолоховских традициях в произведениях В. Закруткина. Так, например, В. Петелин отметил их присутствие в художественной реализации Закруткиным основного творческого замысла романа «Сотворение мира»: «...на судьбах различных представителей семьи Ставровых проследить коренные изменения, происходящие в стране» [Петелин, с. 107]. О влиянии «Судьбы человека» на повесть Закруткина «Матерь Человеческая» писал А.Метченко [Метченко, с. 475].

Велика роль Шолохова и в творческом становлении А. Калинина. Уже в первом его романе «Курганы» (1938–1939), посвященном коллективизации в казачьем крае, ощущается заметное влияние «Поднятой целины». Не случайно А. Серафимович, прочитав книгу, пригласил Калинина в гости и встретил словами: «Ну, здравствуй, молодой Шолохов».

Однако наиболее плодотворными оказались для Калинина шолоховские гуманистические традиции, весьма ощутимые в его романе «Суровое поле».

Литература о Великой Отечественной войне (а именно этой теме посвящен роман А. Калинина) всегда тяготела к характерам героическим, исследовала нравственные истоки подвига. Но наряду с этой тенденцией уже во второй половине 1950-х гг. в ней четко оформилась и другая – стремление показать героя в условиях трагического перепутья, передать незащищенность человека перед лицом сурового и беспощадного времени. Именно этот трагический мотив, столь близкий нам по эпопее М. Шолохова, пронизывает и роман Калинина.

Творчески используя традиции «Тихого Дона», автор прослеживает сложную судьбу русского солдата Андрея Сошникова. При этом наряду с естественным для военной прозы конфликтом «наши и фашисты», в романе ощущается и иное противостояние – человек и беспощадное время.

Андрей Сошников, без вести пропавший для близких, много раз совершавший побег из фашистского лагеря, в конце концов решает надеть ненавистную форму власовца, чтобы с оружием в руках перейти к своим. Во время боев в Венгрии ему удастся поднять власовский эскадрон и вместе с ним поддержать советские войска, ударив фашистам в тыл.

Соединение различных временных планов – войны и мирных послевоенных лет – позволяет Калинину вписать трагическую судьбу героя в широкую картину жизни. Люди живут, работают, любят, рожают детей, а Андрей оторгнут от этих простых радостей теми, кто судит о человеке лишь по внешним проявлениям, в данном случае – по чужой форме.

На рубеже 1950–1960-х гг. многие увидели в романе А. Калинина измену фронтовым идеалам, стремление обелить предателя. Именно поэтому образ Андрея Сошникова вызвал полемику в критике, хотя и не такую острую и многолетнюю, как образ Григория Мелехова. Писателя обвиняли в абстрактном гуманизме, «вегетарианском всепрощении» и многом другом. Самым суровым и беспощадным обвинителем выступил писатель С. Злобин. В образе Андрея он увидел попытку оправдать власовское движение. Поступок героя расценивался им как чистой воды предательство, ибо самым лучшим выходом в данной ситуации ему представлялась «физическая смерть». Сегодня трудно спорить с С.П. Злобиным, трудно не только потому, что прошло уже сорок с лишним лет после его смерти, но и потому, что сам

Злобин мужественно перенес все ужасы фашистского плена, куда попал в 1941 г. в окружении под Вязьмой. И все же приходится констатировать: от статьи, опубликованной в начале хрущевской «оттепели» в «Новом мире» [Злобин, с. 211–215], так и веет безнравственной теорией человека-винтика, призванного лишь жертвовать собой во имя общего дела. Не заметил С. Злобин ни чистоты души и помыслов калининского героя, ни его честности и мужества. А разве не этим грешили многочисленные работы об «отщепенстве» Григория Мелехова?

В этой связи хотелось бы остановиться еще на одном моменте, имеющем, на наш взгляд, большое значение в наши дни. В современном литературоведении заметно стремление к переосмыслению того, что было создано советскими писателями на протяжении десятилетий. Сам по себе этот факт не вызывает принципиальных возражений, но лишь при одном условии: здесь очень важно не впадать в крайность, не приписывать произведению того, чего в нем нет и быть не может. В 2000 г. вышел в свет биографический словарь «Русские писатели 20 века», содержащий обстоятельную и глубокую статью, посвященную А.В. Калинин. Лишь с одним суждением автора статьи С. Шульца трудно согласиться: «Калинин одним из первых заговорил о необходимости человеческого отношения к нашим военнопленным, в том числе к "власовцам"» [Русские писатели ..., с. 327]. Писатель, безусловно, стремясь нравственно реабилитировать тех, кто пережил все ужасы фашистского плена и остался человеком, шел по пути, проложенному М. Шолоховым, его «Судьбой человека». Тогда, во второй половине 1950-х гг., это была задача первостепенная. Но все же могли солдат Великой Отечественной войны, горячий патриот, непримиримый к любому проявлению предательства (вспомним суровый приговор, вынесенный Калинин Варваре Табунщиковой, героине повести «Эхо войны»), ратовать за «человеческое отношение» к власовцам? Думается, А. Калинин в своем романе выражает народный взгляд на войну: можно простить поверженного врага, предателя же – никогда.

Как и Григорий Мелехов, Андрей Сошников предстает перед нами «без вины виноватым», несущим на себе гнет мнимой вины.

В романе много перекличек с «Тихим Доном»: две женщины, любящие и ждущие Андрея; сын – как продолжение жизни, как залог ее смысла и целесообразности. А в лирико-публицистическом отступлении А. Калинин сам указал на источник, определяющий его взгляд на человека: «Тебе о чем-нибудь говорят эти слова: Мелехов Григорий? Это жил лет сорок назад на далекой от тебе земле Донщине один такой же черный и кудрявый, как твой сын, казак. Чем только может наделить природа человека, тем она и наделила его: трудолюбием, удастью, любящим сердцем. Никто не умел так, как он, пахать землю, петь песни и так воевать верхом на коне с пикой и казачьей шашкой. И все

искал он правду, как нужно на земле жить, и не знал, где ее найти» [Калинин, с. 277].

Не менее значительна роль шолоховских традиций и в произведениях Б. Куликова, как поэтических, так и прозаических. Как отмечали критики, будучи «очень современным писателем», он в своих книгах «Мои дорогие люди», «Быстрина», «Облава» и др. выразил «горячую сыновнюю любовь к Дону, к его былинной истории, к старинным песням и обычаям донских казаков... В этом плане все сходились во мнении, что Борис Куликов – «писатель шолоховской школы» [Калинин, с. 140].

Интересно в этой связи и поэтическое творчество Куликова. Причем, как отмечали исследователи, в стихах Куликова, в отличие от произведений других донских поэтов, почти нет развернутых характеристик великого писателя, но «присутствует как нравственная и художественная атмосфера частица художественного шолоховского мира» [Ковалева, Радецкая, с. 26]. Это ощущается и в стихотворении «Земля донская», эпиграфом к которому стала строчка из старинной казачьей песне «Чем, земля донская, ты украшена?», хорошо известной по эпиграфу к роману «Тихий Дон», и в стихотворении «Донские песни», посвященном Шолохову.

Безусловно, тема «Михаил Шолохов и писатели Дона» широка и многоаспектна, ее дальнейшая разработка явится важным этапом дальнейшего исследования вопроса о специфике преломления шолоховских традиций в русской литературе XX в.

Литература

- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. М., 1954.
- Ермолаев Г.* Михаил Шолохов и его творчество. СПб, 2000.
- Закруткин В.А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Ростов н/Д, 2008.
- Закруткин В.А.* Цвет лазоревый : страницы о Михаиле Шолохове. М., 1975.
- Злобин С.П.* О романе А. Калинина «Суровое поле» // Новый мир. 1959.
- Калинин А.В.* Время «Тихого Дона». Ростов н/Д, 2008.
- Калинин А.В.* Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1982
- Ковалева А., Радецкая М.* Образ М.Шолохова в советской поэзии // Вопросы русской литературы : республиканский межвуз. сб. : вып. 2 (46). Львов, 1985.
- Котовсков В.* Стремя в стремя. Ростов н/Д, 2004.
- Куликов Б.Н.* «При пике и на коне...» : Воспоминание о Шолохове // Дон. 2004. №1.
- Метченко А.* Кровное и завоеванное : из истории советской литературы. М. 1975.
- Петелин В.В.* Виталий Закруткин : литературный портрет. М., 1969.
- Русские писатели 20 века : Биографический словарь. М.. 2000.
- Шолохов М.* Надпись на книге «Поднятая целина». 1960 // Фонды Кочетовского государственного дома-музея В.А. Закруткина. Ед. хр. 4636.